
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 930.23(282.257.522.2)«1939»

DOI: 10.25730/VSU.2070.25.008

Советско-японский вооруженный конфликт у реки Халхин-Гол (май – сентябрь 1939 г.): дипломатический аспект

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. В статье рассматривается дипломатический аспект советско-японского военного конфликта на территории Монгольской Народной Республики (МНР) в мае – сентябре 1939 г. Причинами написания статьи стали 85-летие данного события и его недостаточное освещение в отечественной литературе. Отмечается, что поводом начала военного конфликта стала неурегулированность границы между МНР и созданным японцами в оккупированной Северо-Восточной части Китайской Республики в 1932 г. марионеточным государством Маньчжоу-Го. Истинные причины конфликта были гораздо глубже, это была попытка включения МНР в сферу японского влияния, создания еще одного марионеточного государства и еще одного плацдарма для войны против СССР. Отмечается, что конфликт начался с провокаций на монголо-маньчжурской границе в мае 1939 г. и завершился полным разгромом японо-маньчжурских войск 29 августа 1939 г. Подчеркивается, что советская дипломатия пыталась предотвратить этот конфликт, но безуспешно, что после поражения японская сторона была вынуждена сесть за стол переговоров. Согласно имеющимся документам советско-японский переговорный процесс продолжался с разной степенью интенсивности с 14 сентября 1939 г. по 9 июня 1940 г. С советской стороны переговоры вел народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, с японской – посол Японии в СССР С. Того. В ходе первого раунда переговоров 14–15 сентября 1939 г. была достигнута договоренность о прекращении боевых действий с 16 сентября и о создании смешанной советско-монгольской – японо-маньчжурской комиссии для демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го в зоне конфликта. Отмечается, что смешанная комиссия не смогла решить пограничный вопрос. Подчеркивается, что окончательное решение вопроса о демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го в зоне конфликта было достигнуто в ходе второго раунда переговоров между Молотовым и Того в период с 23 мая по 9 июня 1940 г. Документы свидетельствуют, что Молотов жестко отстаивал интересы МНР, а Того пытался, несмотря на военное поражение, выторговать наиболее выгодные условия для своего сателлита. Отмечается, что обе стороны пошли на определенные уступки для решения пограничного вопроса, что было связано с необходимостью ведения переговоров по другим, более важным вопросам советско-японских отношений.

Ключевые слова: советско-японский военный конфликт 1939 г., Халхин-Гол, дипломатический аспект, переговоры, прекращение боевых действий, демаркация границы, уступки.

85-летие советско-японского вооруженного конфликта у монгольской реки Халхин-Гол стало поводом для подготовки данной статьи. События разворачивались с мая по сентябрь 1939 г., в них принимали участие кадровые дивизии японской Квантунской армии и вооруженные формирования созданного Японией на территории Китая в 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го. Им противостояли кадровые и территориальные формирования Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), а также армия Монгольской Народной Республики (МНР). Советские войска были направлены на помощь Монголии в соответствии с «Протоколом о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой» от 12 марта 1936 г. [21, с. 136, 137].

Формальным поводом для начала Японией конфликта стала неурегулированность границы между Маньчжоу-Го и МНР, фактически – попытка включения МНР в сферу японского

влияния и создания на ее территории еще одного прояпонского марионеточного государства и плацдарма для будущего возможного нападения на сибирские регионы СССР. В переписке советских дипломатов того периода фигурирует еще одна возможная причина начала конфликта – попытка срыва трехсторонних англо-франко-советских переговоров в Москве (май – август 1939 г.) по заключению военно-политического союза, направленного прежде всего против нацистской Германии, но и против «милитаристско-фашистской» Японии тоже [18, с. 536]. Как писал полпред Советского Союза во Франции Я. З. Суриц, дипломатическое сообщество в Париже считало, что открытие Японией военных действий против МНР и СССР преследовало цель отпугнуть Великобританию и Францию от создания военно-политического союза с СССР, «со страной, которая находится уже в «фактическом состоянии войны» и силы которой будут рассредоточены и прикованы к дальневосточному фронту» [30, с. 462].

Военные события этого конфликта достаточно хорошо известны, они отражены в многочисленных мемуарных и исследовательских работах как отечественных, так и зарубежных авторов [7; 8; 12; 17; 19; 20; 33]. В меньшей степени изучена деятельность советских дипломатов как на начальном, так и на заключительном этапах конфликта [6; 22; 23; 34]. В данной статье рассматривается взаимодействие советских дипломатов с их японскими визави, попытки локализации конфликта на начальном этапе, а также подготовка мирных договоренностей после разгрома японо-маньчжурской группировки войск на территории МНР.

19 мая 1939 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов пригласил посла Японии в СССР С. Того и сделал ему официальное заявление по поводу нарушения японо-маньчжурскими войсками границы МНР 11–12 мая и позже. Подчеркнув, что между СССР и МНР имеется пакт о взаимопомощи, Молотов жестко заявил, «что всякому терпению есть предел и прошу посла передать японскому правительству, чтобы больше этого не было» [9, с. 444]. Руководство «милитаристско-фашистской» Японии проигнорировало советский дипломатический демарш, провокации продолжались и переросли в серьезные боестолкновения как сухопутных войск, так и военно-воздушных сил с обеих сторон.

В сообщениях ТАСС 26–29 июня 1939 г. речь идет преимущественно о сражениях в воздухе. Отмечается, что если фактор внезапности обеспечил японским военно-воздушным силам (ВВС) преимущество в конце мая [27, с. 464], то воздушные сражения в конце июня проходили при явном преимуществе советско-монгольской авиации и привели к серьезным потерям самолетов противника. Так, согласно сообщениям ТАСС, 22 июня 1939 г. 120 японских самолетов атаковали территорию МНР, навстречу им поднялись 95 советских самолетов, в ходе воздушного боя были сбиты 31 японский самолет и 12 советских [27, с. 464]. 26 июня 60 японских истребителей вступили в бой с 50 советскими истребителями, в результате японские ВВС потеряли 25 истребителей, советские – 3 [27, с. 464]. 27 июня из 80 японских истребителей и 30 бомбардировщиков были сбиты 7 и 3 соответственно, советские потери – 6 истребителей [16, с. 465].

В ходе контрнаступления советско-монгольских войск, начавшегося 20 августа 1939 г., японо-маньчжурская группировка, вклинившаяся на территорию Монголии, была окружена и уничтожена [28, с. 495, 496]. 29 августа 1939 г. народный комиссар обороны СССР К. Е. Ворошилов телеграммой командованию советскими войсками в МНР поздравил «всех красноармейцев, командиров, комиссаров и политработников с блестящей победой советского оружия» [30, с. 492].

Потерпев поражение на поле боя, японская сторона была вынуждена вернуться за стол переговоров. 14 сентября 1939 г. состоялась беседа Молотова с Того по вопросам урегулирования конфликта в зоне монголо-маньчжурской границы. Того начал разговор с заявления, «что японо-маньчжурская сторона ни в коем случае не может признать ту границу, которую выдвигает МНР» [10, с. 505].

В ходе 3-часовой беседы Того, несмотря на военное поражение Японии, пытался выторговать для японо-маньчжурской стороны наиболее выгодные условия мирного соглашения. Исходя из того, что к началу конфликта официальная демаркация границы между МНР и Маньчжоу-Го не была проведена, японский посол пытался представить фактическую границу между двумя государственными образованиями как весьма условную. Признавая необходимость восстановления старой границы, существовавшей до начала конфликта (до 1 мая 1939 г.), Того тут же пытался ее исправить в двух местах в пользу Маньчжоу-Го, мотивируя это необходимостью строительства железной дороги и особенностями рельефа местности.

Молотов довел до сведения японского посла позицию советского правительства, которое было «согласно с тем, чтобы взять за исходный пункт восстановление положения на гра-

нице таким, каким оно было до 1 мая 1939 г. Если японская сторона не возражает, тогда этот вопрос так и может быть решен. С другой стороны, если японская сторона для проведения дороги нуждается в куске монгольской территории, то она должна уступить таких же размеров участки в другом месте» [10, с. 506, 507]. В ответ на советское предложение об обмене территориями Того заявил, что это возможно только в отношении одного места, другое место Япония считает территорией Маньчжоу-Го [10, с. 507].

Вторая часть беседы была посвящена вопросам окончательного прекращения боевых действий и отвода войск от линии боевого соприкосновения. Здесь Того вновь попытался настоять, чтобы был принят японский вариант военного размежевания. Советское предложение сводилось к тому, что японская и советская стороны должны отвести свои войска соответственно на восток и на запад от старой границы, существовавшей до 1 мая 1939 г.

В ответ на советское предложение «Того сказал, что по данным, которые имеет Япония, пограничные власти Монголии были на левом берегу Халхин-Гол, и он предлагает, чтобы советско-монгольские войска отошли на левый берег Халхин-Гола, а японцы отведут свои войска с правого берега... Затем Того длинно начал доказывать, что японское правительство никак не может признать границу, которую выдвигает МНР, ибо на правом берегу Халхи не было ни советских, ни монгольских войск. Япония может признать факт, что на правом берегу Халхин-Гола находилось несколько монгольских пограничников, но не может признать ту линию границы, которую хочет МНР» [10, с. 507]. Молотов отметил, что до начала конфликта на правом берегу Халхин-Гола действительно не было ни советских, ни монгольских войск, но он подчеркнул, что там были монгольские пограничники и что до 4 мая ни Япония, ни Маньчжоу-Го не оспаривали старую границу, и что, соответственно, правый берег реки Халхин-Гол является территорией МНР [10, с. 507].

Заключительная часть беседы свидетельствует о том, что Молотов и Того по самому принципиальному вопросу – где будет проходить граница между МНР и Маньчжоу-Го в районе военного конфликта – остались при своих точках зрения. Очевидно, что японский посол стремился к тому, чтобы сделать Халхин-Гол пограничной рекой: на правом берегу – Маньчжоу-Го, на левом – МНР, Молотов же настаивал на том, чтобы река Халхин-Гол осталась хотя и близко к границе, но на территории МНР, как это фактически и было до начала конфликта [10, с. 507]. В результате было согласовано, что войска никуда не отводятся, остаются на своих местах, «но прекращают военные действия». Молотов обязался довести это до советского правительства, Того настаивал, чтобы результат был известен уже на следующий день [10, с. 507].

На следующий день, 15 сентября 1939 г., Молотов вызвал посла Японии и заявил, что из уважения к его персоне он готов немедленно представить ответ советского правительства на согласованные накануне предложения по перемирию. Ответ правительства СССР сводился к следующему: «1. Японо-маньчжурские войска и советско-монгольские войска прекращают военные действия друг против друга с 20 часов 15 сентября по местному времени. Японо-маньчжурские войска и советско-монгольские войска остаются на тех позициях, которые они занимали в момент прекращения военных действий. 2. Создается смешанная комиссия из двух представителей от японо-маньчжурской стороны и двух представителей от советско-монгольской стороны для уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го. Комиссия приступает к работе в течение ближайших 2–3 дней» [11, с. 508].

Того поблагодарил Молотова за быстрый ответ и отметил, что можно только приветствовать советские предложения о немедленном прекращении боевых действий с целью избежать лишнего кровопролития. В то же время Того отметил, что вряд ли удастся приостановить боевые действия 15 сентября в 20 часов по местному времени, «поскольку разница между московским и местным временем 7 часов, а сейчас уже полпервого по московскому времени» [11, с. 508]. Того предложил приостановить военные действия в полночь с 15 на 16-е сентября 1939 г. по московскому времени, при том, что войска остаются на тех позициях, которые они занимали 15 сентября в 2 часа дня [11, с. 508, 509].

Того также предложил добавить еще один пункт в соглашение: «На участках, где японо-маньчжурские и советско-монгольские войска находятся на очень близком расстоянии, необходимо, чтобы каждая сторона отступила на 1 км назад во избежание всякого рода недоразумений и столкновений. Там, где расстояние между армиями больше двух км, там не потребуются такое отступление» [11, с. 509]. Кроме того, японский посол считал, «что следует добавить еще пункт о том, чтобы представители обеих сторон договорились о времени и характере перемирия, и, наконец, необходимо также оговорить, что пленные и трупы с обеих сторон подлежат обмену, о чем представители обеих сторон должны договориться» [11, с. 509].

Что касается пункта 2 советских предложений о перемирии, то японский посол высказал сомнение в целесообразности создания смешанной комиссии из представителей противоборствующих сторон для уточнения границы между Маньчжоу-Го и МНР в районе конфликта и предложил возложить эту задачу на комиссию по установлению границы [11, с. 509].

Высказав удовлетворение в связи с согласованием первого пункта советских предложений о перемирии, Молотов предложил «договориться окончательно и составить проект соглашения», задав Того вопрос о необходимости согласования текста соглашения с японским правительством. Того ответил, что он имеет все необходимые полномочия от своего правительства на заключение соглашения и предложил договориться обо всем в устной форме, «он не против документа, но дело в том, что пришлось бы посылать этот документ в Токио, ибо имеются формальности, которые он обязан выполнить. Это затянуло бы вопрос. Он предпочел бы не подписывать никакого документа, а сговориться по всем пунктам и приступить к выполнению» [11, с. 509].

Приняв предложение Того о заключении соглашения о перемирии, Молотов предложил перейти к составлению коммюнике. Как отмечено в записи беседы, «процесс составления коммюнике выявил, что японская сторона не хочет называть вещи своими именами. Так, японский посол возражал: 1) против того, чтобы в коммюнике было указано, что конфликт произошел на монголо-маньчжурской границе; 2) против того, чтобы в коммюнике говорилось о военных действиях и военных столкновениях; 3) против упоминания, что конфликт происходил в номонханском районе; 4) против того, чтобы комиссию назвать «смешанной»; 5) против того, чтобы комиссия по уточнению границ была создана в течение 2–3 дней» [11, с. 509].

Молотов также отмечает в записи беседы, что Того не хотел, «чтобы в коммюнике было сказано, что создается комиссия по уточнению границ между Маньчжоу-Го и Монголией, но затем он вынужден был согласиться с моим доводом, что нельзя создать комиссию по уточнению границ, не сказав, о каких границах и между какими государствами идет речь» [11, с. 509]. В записи беседы отмечается, что затем началось редактирование текста соглашения пункт за пунктом, «причем японский посол упорно сопротивлялся внесению большей ясности и определенности в коммюнике» [11, с. 510].

Окончательный текст коммюнике, составленный 15 сентября 1939 г. советской и монгольской сторонами, свидетельствует о том, что практически все возражения Того были учтены [13]. В тот же день, 15 сентября 1939 г., заместитель наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовский проинформировал полпредов СССР в Берлине, Вашингтоне, Лондоне, Париже, Риме и т. д. о результатах переговоров между Того и Молотовым, разослав им текст советско-японского коммюнике: «1. Японо-маньчжоугоские войска и советско-монгольские войска прекращают 16 сентября в 2 часа по московскому времени всякие военные действия. 2. Японо-маньчжоугоские войска и советско-монгольские войска остаются на занимаемых ими 15 сентября в 13 часов по московскому времени линиях. 3. Представители войск обеих сторон на месте немедленно приступают к выполнению пп. 1 и 2 настоящего соглашения. 4. Пленные и трупы обеих сторон подлежат обмену, о чем представители войск обеих сторон на месте немедленно договариваются между собой и приступают к исполнению. Кроме того, в переговорах между г-ном Того и т. Молотовым достигнуто соглашение о том, что в целях уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го в районе недавнего конфликта будет организована возможно скорее комиссия из двух представителей советско-монгольской стороны и двух представителей японо-маньчжоугоской стороны. Комиссия приступит к своей работе тотчас же по ее образованию» [31, с. 510].

На следующий день, 16 сентября 1939 г., представители местного командования советско-монгольской и японо-маньчжоугоской военных группировок составили совместный протокол о прекращении военных действий: «1. Местное высшее командование советско-монгольских и японо-маньчжоугоских войск взаимно установило, что обе армии на основании соглашения между т. Молотовым и г-ном Того остановились на позициях, занимаемых ими 15 сентября 1939 г. в 13.00 по московскому времени, и в 2.00 16 сентября 1939 г. по московскому времени прекратили военные действия... 2. Этот протокол написан на русском и японском языках в двух экземплярах, а на прилагаемых к протоколу картах, советской и японской, составленных также в двух экземплярах, нанесены изложенные выше передовые позиции обеих сторон» [24, с. 511].

В отличие от военного перемирия, которое вступило в силу 16 сентября 1939 г. и в целом соблюдалось обеими противоборствующими сторонами, вопрос о демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го оказался более сложным и запутанным и он был разрешен только

в июне 1940 г. Прежде всего затянулось создание смешанной комиссии, так, только 30 сентября 1939 г. полпред СССР в МНР И. А. Иванов получил инструкции от Лозовского связаться с руководством Монголии о создании комиссии по уточнению границы между МНР и Маньчжоу-Го в районе недавнего конфликта. «Желательно знать, – писал Лозовский, – кого Монгольское правительство может наметить в качестве члена комиссии и каких двух экспертов-советников, действительно знающих границы, может оно выдвинуть» [32, с. 522].

Созданная смешанная комиссия провела в декабре 1939 г. – январе 1940 г. 16 заседаний, которые проходили в Чите с 7 по 25 декабря 1939 г. и в Харбине с 7 по 30 января 1940 г. В ходе работы комиссии выяснилось, что точки зрения советско-монгольской и японо-маньчжоугоской делегаций по вопросу демаркации границы полностью противоположны, это нашло свое отражение в совместном коммюнике смешанной комиссии от 1 февраля 1940 г. [25, с. 578]. ТАСС по этому поводу заявило, что «представленные японо-маньчжоугоской стороной документы, имеющие целью обосновать пересмотр давно существующей и ранее никем неоспаривавшейся линии границы, оказались лишенными признаков авторитетных официальных документов, советско-монгольская делегация отказалась признать эти документы в качестве основы для уточнения границы. Ввиду отказа японо-маньчжоугоской стороны признать представленные советско-монгольской стороной авторитетные официальные документы и ввиду того, что стороны остались при своих мнениях, Смешанная комиссия разъехалась, не приняв общего согласованного решения» [25, с. 578].

Поскольку смешанная комиссия не смогла договориться о демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го в районе военного конфликта, этим вопросом пришлось заниматься Молотову и Того. 23 мая 1940 г. состоялась их беседа, в начале которой Того выразил сожаление, что в течение 8 месяцев с момента подписания соглашения о прекращении военных действий так и не удалось разрешить проблему установления границы в этом районе. Из записи беседы видно, что спорными оставались два участка границы – в районе Номонхана и в Нумургенском районе, причем по ходу беседы выяснилось, что «в отношении Нумургенского района у обеих сторон уже нет разногласий» [1, с. 281].

Спорной оставалась территория в районе Номонхана в форме треугольника. Того заявил, что хотя этот треугольник занят монгольскими войсками, он тем не менее принадлежит Маньчжоу-Го, но японское правительство готово пойти на уступку и предлагает разделить этот треугольник между Маньчжоу-Го и МНР таким образом, чтобы северная часть треугольника отошла к Маньчжоу-Го, а южная – к МНР. Ознакомившись вместе с Того с картой спорного района, Молотов заявил, что «советская сторона предлагает восстановить прежнюю границу и не делить треугольник ни на какие части, т. к. эта территория принадлежала и принадлежит МНР. Там находились монгольские части, и если Того указывал, что там были маньчжоугоские части, а потом эта территория была занята монгольскими войсками, то это лишь означает, что было восстановлено существующее положение» [1, с. 281].

Далее по ходу беседы Того продолжал отстаивать позицию японской стороны в отношении треугольника, аргументируя это наличием у правительства Маньчжоу-Го каких-то неофициальных документальных источников, подтверждающих права на эту территорию. Он также призывал Молотова уступить в этом вопросе, подчеркивая, что «вопрос о границе в районе конфликта является маленьким и незначительным вопросом в сравнении с теми большими изменениями, которые можно ожидать в Европе» (капитуляция Франции. – *М. Н.*) [1, с. 282]. Молотов ответил, что действительно разногласия по пограничному вопросу «являются мелкими, но он удивлен бесконечной затяжкой в разрешении этого вопроса с японской стороны, несмотря на то, что советская сторона сделала уступки японской стороне в интересующих ее районах» [1, с. 282].

В конце беседы Того вновь заговорил о том, что спорная территория является неотъемлемой частью Маньчжоу-Го, но правительство Японии идет на большую уступку, предлагая разделить спорную территорию между МНР и Маньчжоу-Го, что японская сторона уже сделала уступки в несколько раз большие, чем советская сторона, что советская сторона затягивает решение вопроса о границе и не хочет идти на незначительные уступки [1, с. 283]. Молотов в ответ заявил, что озвученные им советские предложения являются окончательными, и что было бы хорошо, «если бы японская сторона соответствующим образом обдумала бы эти предложения и нашла бы способ к разрешению спорного вопроса» [1, с. 284].

Вторая беседа Молотова и Того от 1 июня 1940 г. началась с заявления японского дипломата о том, что он имеет твердое намерение разрешить пограничный вопрос на основе взаимных уступок и создать базу для урегулирования более существенных вопросов между

Японией и СССР [2, с. 301]. Молотов отметил, что он также считает обсуждаемый вопрос «незначительным», но что у него «создалось такое впечатление, что уступчивость советской стороны в районе недавнего конфликта не только не вызывает взаимности, но наоборот, дает повод к требованию новых уступок» [2, с. 302]. Молотов подчеркнул, что советская позиция по пограничному вопросу, озвученная им в ходе прошлой беседы, является окончательной и на ее базе можно решать все остальные вопросы.

Того предложил следующую очередность разрешения вопросов в советско-японских отношениях: 1) вопрос о границе между МНР и Маньчжоу-Го в районе конфликта; 2) рыболовный вопрос, связанный с получением ответа от правительства СССР на японское предложение; 3) вопрос возобновления переговоров о торговых отношениях. Для разрешения первого вопроса Того вновь представил свое предложение о разделе территории в форме треугольника в районе Номонхана. Молотов счел приемлемой очередность разрешения вопросов в советско-японских отношениях, но подчеркнул, «что ему непонятно упорство японской стороны в разрешении пограничного вопроса, и он считает, что пора уже отказаться от подобной упорной позиции, не отвечающей фактам и действительности» [2, с. 302].

Обратившись к советской карте местности масштаба 1:200 000, Того заметил, что карта неточная, и что японская карта масштаба 1:100 000 более точно отражает реальное положение вещей, поэтому японские предложения соответствуют японской карте, но так как в посольстве имеется только один экземпляр карты, он предложил ограничиться словесным описанием границы. Молотов отклонил это предложение Того и заявил, что прежде всего надо договориться об установлении границы на карте, «ибо до тех пор, пока не будет проведена соответствующая подготовка в отношении карт, не имеет смысла вести конкретные переговоры об установлении границы... что после подписания карты специалисты без особых затруднений смогут произвести соответствующие уточнения... что пока не будет подписана карта, не может быть никакого соглашения, ибо ограничиться простым описанием границы ни в коем случае нельзя» [2, с. 303, 304].

Того предложил снять копию с единственного экземпляра японской карты и решать пограничный вопрос по японской карте, на что Молотов заявил, что не возражает против снятия копии, но «настаивает на той линии границы... какая указана на советской карте и если это предложение будет считаться неприемлемым, то он считает бесполезным говорить по данному вопросу... что от той линии границы, которая указана в советской карте, он не может отступить... что советская сторона сделала одну уступку, ей предлагают сделать вторую уступку, она сделала вторую уступку, ей предлагают сделать третью уступку». Он считал это неприемлемым [2, с. 304].

В заключение беседы Того предложил еще одно компромиссное решение пограничного вопроса со взаимными уступками, но Молотов подчеркнул, что «предлагает оставить границу в том виде, как она указана на советской карте» [2, с. 305].

3 июня 1940 г. Молотов вновь принял японского посла и сообщил ему окончательный ответ советского правительства, который включал в себя еще одну небольшую территориальную уступку. Того пообещал немедленно передать в Токио новые советские предложения, но заявил, что не знает, примет ли эти предложения японское правительство. Молотов считал, что третья уступка советского правительства создала условия для скорейшего решения пограничного вопроса и перехода к другим, более важным вопросам. Он предложил закрепить договоренности на советской карте масштаба 1:200 000, «поскольку она в равной мере хорошо известна как советской стороне, так и Того» [3, с. 310].

Того заявил о своей согласии подписать советскую карту, если не будет возражения со стороны японского правительства, и предложил составить описание границы (пункты прохождения границы), командировать на место представителей Маньчжоу-Го и МНР для уточнения описания границы, установки пограничных знаков «навечно» и подписания ими карты. Пообещав Того передать в посольство Японии ту часть советской карты, на которую нанесена спорная территория, Молотов заявил, «что он, во-первых, ожидает сообщения Того на последнее предложение..., во-вторых, он ожидает согласия на то, чтобы карту 1:200 000 взять за основу, и в-третьих, как только соответствующим образом будет подписана карта, проведение границы в обычном порядке будет сделано представителями Маньчжоу-Го и МНР» [3, с. 311].

Достигнутые 3 июня 1940 г. компромиссные договоренности по пограничному вопросу, казалось бы, исключали возможность дальнейших дискуссий на очередной встрече Молотова и Того 7 июня 1940 г. В начале беседы Того заявил, что он сообщил японскому правительству

последнее предложение Молотова: «В Токио не были довольны последним проектом т. Молотова, но с высокой точки зрения, я предложил своему правительству закончить этот вопрос, и мне с трудом удалось убедить его в необходимости принять этот проект» [4, с. 318].

Одновременно Того передал просьбу японского правительства включить в намеченную для передачи Маньчжоу-Го территорию в районе Номонхана высоту № 872. Высоко оценив решение японского правительства о принятии его последнего предложения по пограничному вопросу, Молотов добавил, «что ни о какой высоте отдельно, в частности и о высоте 872, он не имел разговора с Того и даже не представляет себе, что это за высота» [4, с. 319]. В ходе дискуссии с Того на тему, входит или не входит указанная высота в ту территорию, которую советская сторона решила уступить Маньчжоу-Го, Молотов попросил Того отметить на карте местоположение высоты 872. «После того, – отмечается в записи беседы, – как Того обвел чернилами высоту и поставил около нее «872», тов. Молотов заявил, что если Того имеет в виду эту высоту, то он согласен с его предложением» [4, с. 319].

Заключительная часть беседы была посвящена вопросам подготовки коммюнике и соглашения об установлении границы в районе военного конфликта. Того предложил поручить подготовку карт к подписанию и соглашения соответствующим советским и японским дипломатическим работникам, «с тем, чтобы парафировать соглашение и подписать карты 8 июня в 6 часов вечера» [4, с. 320]. Молотов ответил согласием, предложил подписать «карты в издании Генерального штаба РККА 1935 года» и выразил надежду, «что это соглашение является предпосылкой для решения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных» [4, с. 320].

9 июня 1940 г. в ходе очередной беседы Молотова и Того состоялось подписание соглашения между СССР и Японией о границе между МНР и Маньчжоу-Го в районе военного конфликта. «Процедура подписания соглашения, – говорится в записи беседы, – ограничилась постановкой инициалов тов. Молотова и Того на 4-х экземплярах русского и японского текстов соглашения и на двух экземплярах карт» [5, с. 322].

Отмечая в преамбуле согласие правительств МНР и Маньчжоу-Го на подписание данного соглашения, Молотов и Того договорились о нижеследующем: «I. Линия границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го в вышеупомянутом районе проходит согласно приложенной к настоящему соглашению карте издания Генерального Штаба Красной Армии 1935 года масштаба 1:200 000... II. Представители Правительства Монгольской Народной Республики и представители Правительства Маньчжоу-Го примут надлежащие меры к тому, чтобы в возможно более короткий срок пограничная линия была нанесена на детальную карту и чтобы таковая линия была ясно намечена на месте. Вышеупомянутая работа подлежит утверждению соглашением между Правительством Монгольской Народной Республики и Правительством Маньчжоу-Го, которое будет заключено немедленно после окончания указанной работы» [5, с. 321, 322].

После подписания соглашения и карт Молотов и Того приступили к согласованию текста коммюнике, которое прошло в дискуссиях, поскольку обе стороны предложили свои варианты. Согласованный вариант коммюнике был опубликован в газете «Известия» на следующий день, 10 июня 1940 г. [14].

Советско-японский военный конфликт на Халхин-Голе явился продолжением агрессивной деятельности фашистского руководства японской армии по созданию собственной колониальной империи. Однако в отличие от головокружительного успеха при захвате трех Северо-Восточных провинций Китая в 1931–1932 гг. он разворачивался в других геополитических условиях. Ушла в прошлое военная слабость Советского Союза, в Москве шли переговоры о создании военно-политического союза Англии, Франции и СССР, направленного против нацистской Германии и «милитаристско-фашистской» Японии, неожиданно закончившихся еще более неприятным сюрпризом для японского руководства – подписанием советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. сроком на 10 лет. Не зная об истинных планах нацистского руководства Германии нарушить этот пакт при удобном случае, руководство Японии, ранее готовившееся в союзе с Германией напасть на СССР, было вынуждено срочно менять свои планы. К тому же полномасштабная война против Китая, развязанная Японией в июле 1937 г., продолжалась, отвлекая крупные военные силы, и до победы в ней было очень далеко. На этом геополитическом фоне разворачивался советско-японский переговорный процесс по завершению военного конфликта на Халхин-Голе, в ходе которого была быстро достигнута договоренность о завершении военных действий и отводе войск от границы 16 сентября 1939 г. Переговорный процесс о демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го

в районе военного конфликта оказался более длительным – с 14 сентября 1939 г. по 9 июня 1940 г. Проявив принципиальность и до конца отстаивая территориальные интересы МНР, Молотов в итоге был вынужден пойти на незначительные уступки, заставив Того сделать то же самое, обе стороны при этом руководствовались необходимостью решения более серьезных проблем в советско-японских отношениях, включая подготовку к подписанию советско-японского пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г.

Список литературы

1. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 23 мая 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 280–284.
2. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 1 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 301–305.
3. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 3 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 310–312.
4. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 7 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 318–321.
5. Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того. 9 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 322–324.
6. Дубинин Ю. А. Политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке в канун и в годы Второй мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (6). С. 92–123.
7. Жалсапова Ж. Б. Конфликт на монголо-маньчжурской границе 1939 года в отражении иностранной прессы: происхождение и начало // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 126–129.
8. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. : АПН, 1970. 733 с.
9. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР... 19 мая 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 443, 444.
10. Запись беседы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с послом Японии С. Того... 14 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 505–508.
11. Запись беседы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с послом Японии С. Того... 15 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 508–510.
12. Зориг Г. Два подхода к истории сражений на реке Халхин-Гол // Япония: экономика, политика, история. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 270–273.
13. Известия. 16 сентября 1939 г.
14. Известия. 10 июня 1940 г.
15. Информационное сообщение ТАСС о сводке военных столкновений в районе монголо-маньчжурской границы. 28 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 465.
16. Информационное сообщение ТАСС о военных столкновениях в районе монголо-маньчжурской границы. 29 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 465.
17. Катасонова Е. Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историографические проблемы // Япония. Ежегодник. 2009. № 38. С. 271–293.
18. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. Изд. 2-е, испр. М. : Дело : РАНХиГС, 2020. 696 с.
19. Маркин И. И. Там, в степях у реки. О боях на Халхин-Голе. М. : Политиздат, 1981. 158 с.
20. Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. М. : Политиздат, 1971. 111 с.
21. Протокол о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой от 12 марта 1936 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. М. : Политиздат, 1974. С. 136, 137.
22. Севостьянов Г. Н. Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол // Вопросы истории. 1957. № 8. С. 63–84.
23. Славинский Б. Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история 1937–1945 гг. М. : Япония сегодня, 1999. 540 с.

24. Совместный протокол представителей местного командования советско-монгольской и японской армий о прекращении военных действий 16 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 511.

25. Совместное коммюнике смешанной комиссии по уточнению границы между МНР и Маньчжоу-Го в районе советско-японского конфликта (р. Халхин-Гол) летом 1939 г. – 1 февраля 1940 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 578.

26. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией. 9 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – октябрь 1940. М. : Международные отношения, 1995. С. 321, 322.

27. Сообщение ТАСС о столкновении между частями МНР и японо-маньчжурскими войсками на границе МНР с Маньчжурией. 26 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 463, 464.

28. Сообщение советской печати о ликвидации остатков японо-маньчжурских войск в приграничной полосе МНР. 1 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 495, 496.

29. Телеграмма полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица в НКВД СССР. 23 июня 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 462.

30. Телеграмма наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова командованию советскими войсками в МНР по случаю победы над японскими войсками у р. Халхин-Гол. 29 августа 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 492.

31. Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского полпредам СССР в Берлине, Вашингтоне, Лондоне, Париже, Риме... 15 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 510.

32. Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского полпреду СССР в МНР И. А. Иванову. 30 сентября 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 522.

33. Шишкин С. Н. Халхин-Гол. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Воениздат, 1954. 64 с.

34. Ян Итин. «Фактор Китая» в советско-японских отношениях: тяжелый путь к нейтралитету. 1931–1941 гг. // Человеческий капитал. 2021. № 4 (148). С. 31–41.

The Soviet-Japanese armed conflict near the Khalkhin Gol River (May–September 1939): a diplomatic aspect

Novikov Mikhail Vasilevich

Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article examines the diplomatic aspect of the Soviet-Japanese military conflict on the territory of the Mongolian People's Republic (MPR) in May – September 1939. The reasons for writing the article were the 85th anniversary of this event and its insufficient coverage in the national literature. It is noted that the reason for the outbreak of the military conflict was the unresolved border between the People's Republic of China and the puppet state of Manchukuo created by the Japanese in the occupied Northeastern part of the Republic of China in 1932. The true causes of the conflict were much deeper, it was an attempt to include the MNR in the sphere of Japanese influence, create another puppet state and another springboard for the war against the USSR. It is noted that the conflict began with provocations on the Mongolian-Manchurian border in May 1939 and ended with the complete defeat of the Japanese-Manchurian troops on August 29, 1939. It is emphasized that Soviet diplomacy tried to prevent this conflict, but unsuccessfully, that after the defeat the Japanese side was forced to sit down at the negotiating table. According to the available documents, the Soviet-Japanese negotiation process continued with varying degrees of intensity from September 14, 1939 to June 9, 1940. On the Soviet side, negotiations were conducted by the People's Commissar for Foreign Affairs V. M. Molotov, on the Japanese side by the Japanese Ambassador to the USSR S. Togo. During the first round of negotiations on September 14–15, 1939, an agreement was reached on the cessation of hostilities from September 16 and on

the creation of a mixed Soviet-Mongolian-Japanese-Manchurian commission to demarcate the border between the People's Republic of China and Manchukuo in the conflict zone. It is noted that the joint commission was unable to resolve the border issue. It is emphasized that the final decision on the demarcation of the border between the MPR and Manchukuo in the conflict zone was reached during the second round of negotiations between Molotov and Togo in the period from May 23 to June 9, 1940. The documents show that Molotov fiercely defended the interests of the MNR, and that, despite the military defeat, he tried to bargain for the most favorable terms for his satellite. It is noted that both sides made certain concessions to resolve the border issue, which was due to the need to negotiate on other, more important issues of Soviet-Japanese relations.

Keywords: Soviet-Japanese military conflict of 1939, Khalkhin Gol, diplomatic aspect, negotiations, cessation of hostilities, border demarcation, concessions.

References

1. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 23 maya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. May 23, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 280–284.
2. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 1 iyunya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. June 1, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 301–305.
3. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 3 iyunya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. June 3, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 310–312.
4. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 7 iyunya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. June 7, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 318–321.
5. *Beseda narkoma inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR S. Togo. 9 iyunya 1940 g.* – Conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov with the Ambassador of Japan to the USSR S. Togo. June 9, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 322–324.
6. Dubinin Yu. A. *Politika i diplomatiya SSSR na Dal'nem Vostoke v kanun i v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Politics and diplomacy of the USSR in the Far East on the eve and in the years World War II] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – Herald of MGIMO University. 2023. No. 16 (6). Pp. 92–123.
7. Zhalsapova Zh. B. *Konflikt na mongolo-man'chzhurskoj granice 1939 goda v otrazhenii inostrannoj pressy: proiskhozhdenie i nachalo* [The conflict on the Mongolian-Manchurian border in 1939 in the reflection of the foreign press: origin and beginning] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Chelyabinsk State University. 2009. No. 4 (142). History. Is. 29. Pp. 126–129.
8. Zhukov G. K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memoirs and reflections]. M. Publishing House of the APN, 1970. 733 p.
9. *Zapis' besedy narodnogo komissara inostrannyh del SSSR V. M. Molotova s poslom Yaponii v SSSR... 19 maya 1939 g.* – Recording of a conversation between the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov and the Japanese Ambassador to the USSR ... on May 19, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 443, 444.
10. *Zapis' besedy narodnogo komissara inostrannyh del V. M. Molotova s poslom Yaponii S. Togo... 14 sentyabrya 1939 g.* – Recording of a conversation between People's Commissar for Foreign Affairs V. M. Molotov and Japanese Ambassador S. Togo ... on September 14, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 505–508.
11. *Zapis' besedy narodnogo komissara inostrannyh del V. M. Molotova s poslom Yaponii S. Togo... 15 sentyabrya 1939 g.* – Recording of a conversation between People's Commissar for Foreign Affairs V. M. Molotov and Japanese Ambassador S. Togo ... on September 15, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 508–510.

12. Zorig G. *Dva podhoda k istorii srazhenij na reke Halhin-Gol* [Two approaches to the history of battles on the Khalkhin Gol River] // *Yaponiya: ekonomika, politika, istoriya* – Japan: economics, politics, history. M. Nauka. Main Editorial Office of Oriental Literature, 1989. Pp. 270–273.

13. *Izvestiya* – News. September 16, 1939

14. *Izvestiya* – News. June 10, 1940

15. *Informacionnoe soobshchenie TASS o svodke voennyh stolknovenij v rajone mongolo-man'chzhurskoj granicy. 28 iyunya 1939 g.* – TASS news report on the summary of military clashes in the area of the Mongolian-Manchurian border. June 28, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. P. 465.

16. *Informacionnoe soobshchenie TASS o voennyh stolknoveniyah v rajone mongolo-man'chzhurskoj granicy. 29 iyunya 1939 g.* – TASS news report on military clashes in the area of the Mongolian-Manchurian border. June 29, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 465.

17. Katasonova E. L. *Halhin-Gol: 70 let spustya. Istoriograficheskie problemy* [Khalkhin-Gol: 70 years later. Historiographical problems] // *Yaponiya. Ezhegodnik* – Japan. The yearbook. 2009. No. 38. Pp. 271–293.

18. Mann M. *Istochniki social'noj vlasti : v 4 t. T. 3. Global'nye imperii i revolyuciya, 1890–1945 gody* [Sources of social power : in 4 vols. Vol. 3. Global Empires and revolution, 1890–1945] / transl. from English by D. Y. Karasev; ed. by S. Moiseev. 2nd ed., corr. M. Delo : RANHiGS, 2020. 696 p.

19. Markin I. I. *Tam, v stepyah u reki. O boyah na Halhin-Gole* [There, in the steppes by the river. About the battles on Khalkhin Gol]. M. Politizdat, 1981. 158 p.

20. Novikov M. V. *Pobeda na Halhin-Gole* [Victory at Khalkhin Gol]. M. Politizdat, 1971. 111 p.

21. *Protokol o vzaimopomoshchi mezhdru Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Mongol'skoj Narodnoj Respublikoj ot 12 marta 1936 g.* – Protocol on mutual assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic of March 12, 1936 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. Vol. 19. January 1 – December 31, 1936. M. Politizdat, 1974. Pp. 136, 137.

22. Sevost'yanov G. N. *Voennoe i diplomaticheskoe porazhenie Yaponii v period sobytij u reki Halhin-Gol* [The military and diplomatic defeat of Japan during the events near the Khalkhin-Gol river] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1957. No. 8. Pp. 63–84.

23. Slavinskij B. N. *SSSR i Yaponiya – na puti k vojne: diplomaticheskaya istoriya 1937–1945 gg* [The USSR and Japan – on the way to war: a diplomatic history of 1937–1945]. M. Japan Today, 1999. 540 p.

24. *Sovmestnyj protokol predstavitelej mestnogo komandovaniya sovetsko-mongol'skoj i yaponskoj armij o prekrashchenii voennyh dejstvij 16 sentyabrya 1939 g.* – Joint protocol of representatives of the local command of the Soviet-Mongolian and Japanese armies on the cessation of hostilities on September 16, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. P. 511.

25. *Sovmestnoe kommyunike smeshannoj komissii po utochneniyu granicy mezhdru MNR i Man'chzhou-Go v rajone sovetsko-yaponskogo konflikta (r. Halhin-Gol) letom 1939 g. – 1 fevralya 1940 g.* – Joint communiqué of the Joint Commission on clarifying the border between the People's Republic of China and Manchukuo in the area of the Soviet-Japanese conflict (Khalkhin Gol river) in the summer of 1939 – February 1, 1940 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944 Moscow : Monuments of Historical Thought, 2000. P. 578.

26. *Soglashenie mezhdru Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Yaponiej. 9 iyunya 1940 g.* – Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and Japan. June 9, 1940 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the USSR's foreign policy. 1940 – June 22, 1941. Vol. XXIII : in 2 books. Book 1. January – October 1940. M. International Relations, 1995. Pp. 321, 322.

27. *Soobshchenie TASS o stolknovenii mezhdru chastyami MNR i yaponoman'chzhurskimi vojskami na granice MNR s Man'chzhuriej. 26 iyunya 1939 g.* – TASS report on the clash between units of the People's Republic of China and Japanese-Manchurian troops on the border of the People's Republic of China with Manchuria. June 26, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 463, 464.

28. *Soobshchenie sovetsoj pechati o likvidacii ostatkov yaponoman'chzhurskikh vojsk v prigranichnoj poloze MNR. 1 sentyabrya 1939 g.* – Message from the Soviet press about the liquidation of the remnants of Japanese-Manchurian troops in the border zone of the MNR. September 1, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 495, 496.

29. *Telegramma polpreda SSSR vo Francii Ya. Z. Surica v NKID SSSR. 23 iyunya 1939 g.* – Telegram from the USSR Envoy to France, J. Z. Surits, to the NKID of the USSR. June 23, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. Pp. 462.

30. *Telegramma narkoma oborony SSSR K. E. Voroshilova komandovaniyu sovetskimi vojskami v MNR po sluchayu pobedy nad yaponskimi vojskami u r. Halhin-Gol. 29 avgusta 1939 g.* – Telegram of the People's Commissar of Defense of the USSR K. E. Voroshilov to the command of Soviet troops in the MNR on the occasion of the victory over the Japanese troops near the Khalkhin river. Gol. August 29, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M.: Monuments of Historical Thought, 2000. P. 492.

31. *Telegramma zamestitelya narkoma inostrannyh del SSSR S. A. Lozovskogo polpredam SSSR v Berline, Vashingtone, Londone, Parizhe, Rime... 15 sentyabrya 1939 g.* – Telegram from Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR S. A. Lozovsky to the USSR plenipotentiaries in Berlin, Washington, London, Paris, Rome ... on September 15, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. P. 510.

32. *Telegramma zamestitelya narkoma inostrannyh del SSSR S. A. Lozovskogo polpredu SSSR v MNR I. A. Ivanovu. 30 sentyabrya 1939 g.* – Telegram from the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR, S. A. Lozovsky, to the USSR Envoy to the People's Republic of China, I. A. Ivanov. September 30, 1939 // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of Historical Thought, 2000. P. 522.

33. *Shishkin S. N. Halhin-Gol. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Khalkhin-Gol. 2nd ed., corr. and add.] M. Voenizdat, 1954. 64 p.

34. *Yang Itin. "Faktor Kitaya" v sovetsko-yaponskih otnosheniyah: tyazhelyj put' k nejtralitetu. 1931–1941 gg.* [The "China Factor" in Soviet-Japanese relations: the hard road to neutrality. 1931–1941] // *Chelovecheskij kapital* – Human capital. 2021. No. 4 (148). Pp. 31–41.

Поступила в редакцию: 11.12.2024

Принята к публикации: 17.01.2025